

ГЕННАДИЙ ГУСЕВ

“ТРУДОВИЧКОМ НЕ ОТДЕЛАЕТЕСЬ!”

Несколько картинок из писательской жизни

Незабвенный Вадим Валерианович Кожин, с кем посчастливилось мне пребывать многие годы во взаимоприятном приятельстве (увы, не в дружбе), не раз повторял, что интеллигенция является “посредницей” между государством и народом. Кстати, из самой сути посредничества вытекает, что стоящий посередине непременно получает свою долю, свою “маржу” от обоих участников процесса взаимодействия – то есть и от власти, и от народа. А если конкретнее: от власти – блага, от народа – славу.

Разумеется, такой “рыночный” метод объяснения “триады”: власть–интеллигенция–народ не является исчерпывающим, как, впрочем, и в экономике. “Волшебная рука” свободного рынка вовсе не обеспечивает саморегуляцию экономических процессов, что со всей жестокой очевидностью подтвердил всемирный кризис 2008 года, не завершившийся и поныне. Говорят, будет и вторая волна, и третья...

Но не об этом сейчас речь. На протяжении многих лет пребывания в писательской массе “посредников” и со стороны власти, и со стороны народа в советские времена, я убедился, что тогда самой приоритетной, самой желанной “маржой” для большинства литераторов была СЛАВА, известность, всеобщее признание. Нет, они отнюдь не были идеалистами-бессребрениками! Просто советские законы, сама система распределения материальных и иных благ была принципиально иной. “Большой хапок” на миллионы, ну, пусть даже на сотни тысяч рублёвых или евровых гонораров, исключался, как теперь говорят, “по определению”. По какому? Очень просто: верхняя планка гонорара за прозу (это я помню как директор издательства) не превышала 400 рублей за 1 авторский лист, а за поэзию – 8–10 рублей за строку. Главное благо – жильё – распределялось по исполкомовской очереди, но чаще – через Союз писателей и его отделения на местах. Самые нетерпеливые и гордые (просить... годами ждать-унижаться...) вступали в кооперативы и покупали квартиры за свои любезные, то есть за гонорары. Один из моих друзей, известный прозаик и публицист, купил роскошную дачу в ближнем Подмоскovie – хватило гонорара от юбилейного двухтомника, изданного массовым тиражом.

Деньги, деньги... Их никогда не бывает много. Но благодаря лимитированным гонорарным рамкам писатели, даже самые жадные, не “гибли за металл”, а чаще всего уныло торговались с издателями за повышение тарифной ставки: так, буря в стакане воды, не суммы, а малые прибавки.

Совсем другое дело – слава. Другой коленкор! Вспомнилось, как в начале своей совминовской карьеры приехал я в дом отдыха союзного Совета министров “Барвиха” и оказался за одним обеденным столом с Александром Николаевичем Яковлевым, будущим “прорабом перестройки”. Он только что вернулся из канадской “ссылки” и возглавил ИМЭМО (Институт мировой экономики и международных отношений). Слева от меня сидел старый университетский и цеховский приятель Наиль Биккенин, справа – Михаил Ильич Кузин, тогдашний главный хирург СССР.

– Старик! – таинственным полушёпотом сказал мне Наиль в тот же день после вечерней трапезы. – Советую понравиться Послу (так он обозначил А. Н. Яковлева. – Г. Г.) Пройдёт немного времени – и он воспарит, вот увидишь! И не лезь, ради Бога, к нему с твоими русскими восторгами! Посол – твердокаменный интернационалист. Скоро будет большая перетряска партгосаппарата. В общем, лови момент!

... Как я его “поймал” – не буду вдаваться в подробности. По “русскому вопросу” мы с АНЯ давным-давно разошлись кардинально. Я имею в виду его печально знаменитую статью “Против антиисторизма”, после публикации которой автор, и. о. зав. отделом пропаганды ЦК, “загребел” послом в Канаду на долгих десять лет. Шуку бросили в реку... А я, рядовой инструктор, кстати, тоже приложил свою слабую руку к его перемещению за океан. Как это произошло? Очень просто: я был включён в состав сборной комиссии отделов ЦК по проверке деятельности ВААП (Всесоюзного агентства по охране авторских прав), которую возглавлял тогда бывший главред “Комсомолки”, любимец Посла Борис Панкин, ныне подданный шведского короля. Не сомневаюсь, что главный “прораб” перестройки сыграл главную роль в коротком, но ослепительном взлёте Бориса на должность министра иностранных дел гибнущего СССР.

Итак, день за днём вместе, за одним столом сидим, трапезничаем, разговариваем. Да ещё вечерами гуляем по заснеженной Барвихе. И, конечно, до хрипоты спорим. Я всегда в меньшинстве – Наиль подпекает Послу да изредка исподтишка показывает мне кулак: дескать, на кого прёшь, дураком?!

Как-то раз главной в нашей дискуссии стала тема благосостояния и нравственного самочувствия советской творческой интеллигенции. Вчерашний канадец сразу обозначил свою позицию: уравниловка и жлобство в отношении творцов, истинных талантов – кандалы для литературы и искусства; цензура – непреодолимое препятствие на пути к правде, к сердцу народному.

– Мы всё талдычим о справедливости, – жёстко говорил Яковлев. – Ничего подобного! Вокруг писателя, композитора, художника, актёра – стена ограничений, и финансовых, и творческих. “Шаг влево, шаг вправо...” А ведь все они знают, какими миллионами ворочают известные авторы на Западе. Ну, и что на это скажете вы, бывший куратор литературы? – обратился он ко мне с победительной ухмылкой. Дескать, Вася, давай сдавайся!

– А Переделкино? – храбро ввязался я в драку. – А бесплатные квартиры вне очереди? А почётные звания с приплатой надбавок? Какая, простите, уравниловка? Я убеждён – стоит только снять ограничения, как вся масса творцов, как любит говорить В. Ф. Шауро, сломя голову ринется за “красивой жизнью”. И вместо свободы мы получим бешеный разгул вседозволенности. Уж тогда мы точно догоним и перегоним Америку не только в области балета, но и в литературе, и в театре, и особенно в кино.

– Скверно, очень скверно думаете вы о нашей творческой интеллигенции, – назидательно ответил Александр Николаевич. – Да и что ваше Переделкино или актёрское Щелыково? Вы за то, чтобы великие певицы получали гроши за концерты перед многотысячными аудиториями? Пугачёва – одна на всю страну, а её день и ночь преследуют фининспекторы – на радость завистникам. А многомиллионные доходы от кинопроката? Но режиссёрам и актёрам достаются лишь жалкие остатки. Одной славой сыт не будешь...

Признаться, я плохой спорщик: очень быстро начинает кружиться голова, лихорадочно ищутся “самые-самые” убедительные слова, речь становится пылкой и всё менее остроумной. Потом-то, когда остынешь, они найдутся, те самые нужные доводы, да что махать кулаками после драки, когда вся душа в синяках...

“Одной славой сыт не будешь”, – сказал мой, вскорости ставший сановным, оппонент. И сейчас, когда разгул “свободного” искусства стал явью, не собираюсь с этим спорить. Но смею утверждать, что в советское время именно слава, глубокая радость автора от того, что его читают, слушают, смотрят миллионы, да ещё письма пишут мешками, да просто считают своим в доску – была главным побудительным стимулом вдохновенного творчества. Блага, деньги – да, это важно, без них – никак, но это всё-таки во-вторых.

“Что слава? Дым и сладкий тлен”, – писал когда-то молодой поэт Фирсов. Да, при советской власти из неё не выростала забугорная вилла или флотилия яхт. Но тем дороже, тем ценнее становились для писателей знаки общественного, публичного признания и отличия. В том числе и “бранзулетки”, как называл их незабвенный О. Бендер. Утеха тщеславию, которая паче роскоши.

В начале февраля 1973 года ко мне в кабинет в новом здании ЦК КПСС вошёл... нет, вломился, запыхавшись, Сергей Владимирович Михалков. “Дядя Стёпа” был крайне возбуждён – а я как раз трудился над бумагой о его награждении в связи с грядущим 60-летием со дня рождения.

– Ск-кажи, Г-геннадий, – молвил он, сверкая очами. – К-какой знак ты мне п-планируешь?

– В соответствии с указанием начальства – орден Трудового Красного Знамени. За большие заслуги в развитии...

– Н-не пойдёт! – почти взвизгнул Михалков. – Н-не выйдет! “Трудовичком” не отделаешься!!!

И он стремительно удалился, громко хлопнув дверью. Я бросил ручку – и к ребятам из сектора, в соседнюю комнату.

– Мужики, чего это СВ так взвился? У него же орденов, начиная со сталинских времён, золотая россыпь! Чего же он хочет?

– Не хочет, а требует, – поправил меня отдельский ветеран Серёжа Потёмкин. – Учти: орденов у него, ты прав, целая куча, а Звезды – ни одной. Соображаешь?

... Через некоторое время ко мне заглянул замзав Беляев. Лицо красное, глаза воспалённые. Видать, схлестнулись с Михалковым... Мой недописанный проект постановления полетел в мусорную корзину, а Героя великому баснописцу оформлял уже “мэтр” Потёмкин.

Для несведущих на всякий случай поясню, что Указы Председателя Президиума Верховного Совета СССР о награждении высокими орденами на самом деле были вторичным продуктом, поскольку сперва они сочинялись и получали “добро” в ЦК КПСС. Партийная власть была выше законодательной. Потому и буйствовал Михалков в кабинетах ЦК, а не Верховного Совета, который просто дублировал принятые волею партии решения.

В 60 лет Михалков стал Героем Социалистического Труда. Честное слово, я и сейчас считаю, что по справедливости. А вот после него такое началось... Настоящий “звездопад”! Поскольку СВ уже тогда (после смерти Леонида Соболева) был председателем правления Союза писателей РСФСР, следовало “подтянуть” к высочайшей наградной планке славы и все союзные республики. Расцвет советской литературы в её национальных ипостасях – такова была приоритетная цель идейно-художественной политики партии. Благая цель! Но она (как и во всех иных случаях) не оправдывает негодные средства её достижения, а порой превращается в недостойный фарс.

Ну, поскольку теперь мы уже 20 лет как в разводе с “республиками-сёстрами”, риску поведать пару-тройку “героических” историй о присвоении высшего звания страны по “республиканско-политическому принципу”. Если бы они закончились только ухмылками литературных снобов...

Однажды Альберт Беляев, уже зам. зав. отделом, вызвал меня к себе в кабинет и приказал оформить – срочно! – проект Указа ВС о присвоении звания Героя Соцтруда молдавскому поэту Эмилиану Букову.

– Да вы что, Альберт Андреевич! – буквально возопил я в недоумении. – Ну как можно говорить всерьёз? Это же долдон, графоман неизлечимый!

– Полегче, полегче на поворотах! Умерь свой комсомольский пыл! И вообще – ты что, знаком с его творчеством? – Прищурившись, Беляев глядел на меня строго и вопрошающе.

– Ещё как! – храбро ответил я. – Знаю его со времён “Молодой гвардии”. Читал, плюясь, его барабанную публицистику. Да и поэзия... Сплошной треск!

– Стоп! – прервал меня начальник. – О поэзии не тебе судить. Тут дело поважнее: у нас Молдавия одна осталась без Героя в области литературы. Усёк? Литература, брат, тоже политика!

– Усёк, – вздохнув, сказал я. – Но он же... Он совершенно наглый! Рот мне пытался заткнуть молдавским коньяком. Дескать, хоть ящик привезу – только напечатай! Насчёт политики я всё понимаю, но... Альберт Андреич, пусть Серёга лучше проект подготовит. Или Гена Лутошкин. Только не я!

– Чистоплюй! – жёстко резюмировал Беляев. – Ладно, иди. Беда мне с тобой...

...И всё-таки награждение Букова “тормознулось” на время – скорее всего, приурочили к “круглой” дате – 70-летию. Он-таки стал Героем – в 1979 году, когда я уже ушёл из аппарата ЦК в “Роман-газету”.

Действительно, Герои появились во всех ССР. Теперь уже многих и не вспомнить – смыты волнами Леты. Помню, конечно, реально достойных: Василь Быков из Белоруссии, само собой – Максим Танк; украинские прозаики: Олесь Гончар, Михайло Стельмах (оба фронтовики); поэт Эдуардас Межелайтис из Литвы. Но каким “героем” был, к примеру, тихий конформист Григор Абашидзе? Зато он многие годы возглавлял Союз писателей Грузии. Разве этого мало? Не для литературы, конечно... Или туркмен Берды Кербабаяв. Давным-давно написал он один революционно-соцреалистический роман, который и определил его путь в Герои. Роман назывался “Решающий шаг”. Берды-ага тоже был многолетним лидером туркменских писателей...

И вот что характерно: когда Горбачёв, Яковлев, Ельцин и К^о подвели Советский Союз к краю пропасти, практически все советские герои-литераторы стали их оголтелыми союзниками. В чём тайна такой метаморфозы, такой чёрной неблагодарности и восторженного изменничества? Олесь Гончар, на протяжении многих лет член ЦК КПСС и КПУ, депутат многих созывов ВС, бессменный секретарь правлений СССР и Украины; его коллега по перу белорус Василь Быков превратился в обер-хулигана советской власти и ошалелых русофобов. Наби Хазри, весёлый талантливый азербайджанец, с которым меня, русского, связывала многолетняя взаимная симпатия – преобразился вдруг в угрюмого, озлобленного националиста. А великий, всесоюзно любимый Чингиз Айтматов?!

Откуда что взялось? Едва ли не единственным, и оттого воистину драгоценным исключением стал по-настоящему советский, не дрогнувший под ураганами новых подлых времён Герой Социалистического Труда украинец Борис Олейник.

Не претендуя на полноту объяснения, выскажу лишь некоторые свои догадки по поводу мотивов и пружин повального “коллорационализма” ведущих советских писателей-националов. Специально подчеркну: именно националов, ибо русские и российские в большинстве своём – может быть, в силу своей “имперскости” – не унизились до отказа от своего, пусть не всегда безоблачного, не всегда доброго к ним, советского прошлого.

Я убеждён: едва ли не главную роль в “смене вех”, в тотальном отречении от всего советского сыграло писательское тщеславие. Всегда в авангарде, всегда в любых президиумах и на праздничных трибунах, всегда в горячих объятиях многочисленных почитателей... Голова кругом! Власть ласкает, народ обожает, все двери открыты, все страны доступны!

И вдруг... Всесильная партия оплётана; народ родной, коим ты был обожаем, говорит своё громогласное “нет” вчера ещё нерушиму братскому Союзу. Останешься с коммунистами – станешь изгоем. Будешь с народным фронтом, – и народная любовь к тебе воспыхает с новой силой! Вон Гамсахурдия в Грузии, сын великого Константина, продвинулся в президенты независимой республики. А Леннарт Мери, эстонец? Героем, правда, не успел стать, но тоже президент! Как сладко кружится голова...

В этом-то и была великая беда бывших “инженеров человеческих душ”: бесы национализма, годами дремавшие в подполье, вырвались на волю и отравили разум своим трупным ядом...

И сгнил на корню айтматовский тополёк в красной косынке; и в гневе восстал из могилы Сотников, преданный и поруганный своим создателем; и ни-

чего, кроме истощной хулы в адрес русских и бывшей “родной” партии, не сочинил больше Олесь Гончар. А Чингиз, писатель с мировой славой, поставил на советском (значит, и своём!) прошлом уродливое “Тавро Кассандры”, открывшее “зелёный свет” европейским и прибалтийским неонацистам для новых яростных наскоков уже на Россию. Айтматовский монстр — “Гитлерсталин” и “Сталингитлер” — жуткое изобретение, похлеще стивенсоновских мистера Джекила и мистера Хайда. Но, слава Богу, совсем не на уровне Стивенсона. Талант помутился, как и разум...

Неоспоримо одно: ни один из перевёртышей, ни один из общепризнанных недавно светочей литературы не создал после рокового 1991 года ни одного творения, хотя бы отдалённо сопоставимого по художественной мощи и глубине мысли с прошлыми шедеврами. Без колебаний отнесу к этому “отряд” отступников и моего любимого, капризного, злого, вконец издёрганного Виктора Астафьева. Не забыть, как трудно, почти по-пластунски, проползал по страницам его последнего романа. И всё громче, всё отчаяннее звучал в обиженной душе вопрос: “Витя! Кем и за что прокляты солдаты великой войны? Разве этот твой поклёп и есть обещанная когда-то тобою “самая-самая” правда о войне?!” Вопрос, увы, останется без ответа... Но даже он, холодно и расчётливо обласканный демократами, до роковой идеи раскола, раздрызга России на груды удельных княжеств не дошёл. Не мог дойти. Незадолго до смерти он, как и “дежурный по России” антисоветчик Солженицын, всё острее и злее обличал реформаторов и прихвизнаторов. Ему оставалось совсем немножко, чтобы признать горькую истину афоризма Владимира Максимова: “Целились в коммунизм, а попали в Россию”.

...Никто, повторяю, из скороспелых новумышленцев и новообращенцев за целых 20 лет не создал ни одной вещи, которая встряхнула бы оцепеневшее, ушедшее, как в болотную топь, в зону выживания или стяжания российское культурное сообщество. Награждать стало некоего — разве только расплодившихся, как тараканы, бездарных и ограниченных постмодернистов, для которых Россия — просто “эта страна”.

Однако вскоре после воцарения Ельцина вновь, всё громче и громче, зазвенели новые, демократические “бранзулетки”. Выросла новая длинная очередь за наградами — теперь уже из рук европеизированных президентов. И что характерно: ни один из писателей, “осознавших” вдруг весь “ужас”, всю “бесчеловечность” советской власти, не отрёкся от прошлых наград: ни от ордена Ленина (от Звезды Героя — тем более!), ни от низшего по политическому весу ордена Дружбы Народов. Вот ведь как: Ленина понёсит, но орден его хранит; дружбу народов высмеивает, всячески превозносит “самостийность” — а орден-то в гардеробе на советском, ещё не от Кардена, костюмчике, накрепко приколот... Ну если ты такой демократ-неофит — отрекись публично от знаков большевистской милости! Ведь ты же “сжёг всё, чему поклонялся”. А вот и нет! Правда, советский орденосец Марк Захаров сжёг свой партбилет на глазах телевизионной публики, но ордена-то не швырнул в урну! Может быть, пожалел расставаться с граммами драгметаллов? Или пусть внуки играют? Не знаю, не знаю...

Нет бы взять пример с Александра Исаевича: советских наград у него быть не могло, но он отрёкся — публично! — и от награды нынешнего режима. Да ещё от какой! По рангу равной советскому ордену Ленина — от Андрея Первозванного! Разумеется, это не был просто капризный афронт — ему важно было ещё раз приковать к себе всеобщее внимание. Пророк всё-таки. Не вышло: новая власть великолепно научилась не слышать. Ни писателей, ни общественность, ни рядовых патриотов, ни даже обеспокоенных сторонников. В фаворе только свои, “жадную толпой стоящие у трона”...

Был среди писателей ещё один “отреченец” от демзнака — тоже всемирно известный прозаик, фронтовик, Герой Соцтруда Юрий Васильевич Бондарев. Антипод Солженицына. Но в гордом отказе своём они — совпали. Да, конечно, они остались по разные стороны баррикад, мотивы принципиально разные, но в самом главном совпавшие — в несогласии с политикой унижения и “западнизации” великой России.

Вернись, однако, в теперь уже давние советские времена. Политика КПСС в области руководства культурой, сплочения её мастеров вокруг комму-

нистической идеологии была, как я уже говорил, сосредоточена прежде всего на разнообразных формах морального поощрения. Слава шествовала впереди комфорта, не позволяя ему превращаться в самоцель, а достатку – в роскошь. Престижно было гордиться многотысячными тиражами, экранной и эфирной востребованностью, всесоюзной популярностью.

Бывало, конечно, и так, что иные авторы, не отмеченные никакими высокими госзнаками внимания, были у народа любимее и популярнее многих звёзд- и орденосцев. Как вы думаете, кто был более читаем, более признан читателем, ну даже просто более известен: дважды Герой Георгий Марков или авантюрный Юлиан Семёнов? Скучный донельзя Герой Сергей Сартаков – или хуторянин Анатолий Калинин со своим “Цыганом”, да ещё экранизированным? Таких вопросов с заведомо известными ответами можно задать целую кучу.

И всё-таки “мейнстрим” был определён надолго. Настолько, что и пришедшие к власти антикоммунисты, в сущности, ничего нового не придумали. Не-ет, золотая медаль на груди может потягаться с сундуком Скупого рыцаря!

... Ранней осенью памятного для меня 1973 года солидная писательская делегация во главе с руководством СП СССР прилетела в Алма-Ату, тогдашнюю столицу Казахстана. Обсуждение проблем гармоничного развития братских литератур сочеталось с выездами писательских бригад в различные области принимающей гостей республики. Без всяких преувеличений – это был праздник! Да, дежурные речи. Да, славословия партии и лично (“ильично”) Леониду Ильичу Брежневу. Всё это казалось несущественным – ведь как ловили в любой аудитории, в любом уголке страны живую писательскую мысль, смелое летучее слово, остроумную шутку! Люди труда жадно, ненасытно, всей душой и сердцем воспринимали стихи и прозу из уст живых, известных им доселе только по книгам, всесоюзно любимых писателей. А как вырастал в своих глазах, в глазах родных и друзей сам писатель! Ах, это сладкое время славы...

Приближалось 7 сентября, день 50-летия Расула Гамзатова. (Мы были давно знакомы с ним, ещё с моих комсомольских времён.) День ото дня ироничный и остроумный Расул становился всё тревожнее, всё взвинченнее: чем будет отмечен его полувековой юбилей? Ведь ещё никому из собратьев-писателей Героя к такой дате не давали – тяни до пенсионера. А орден Ленина уже есть. И второй неплохо получить, но без звезды – не то, совсем не то!

– Юра, скажи, брат мой: будэт мнэ звезда или нэт? – спросил он, не выдержав, у секретаря Союза писателей Верченко 6-го, за сутки до юбилея. Я стоял рядом.

– Вот к нему, к нему с этим вопросом, дорогой Расул! – расхохотался Юрник и притянул меня за рукав к себе. – Только он, представитель ЦК, может тебя успокоить! А за мной банкет!

Хитрован Верченко тут же нырнул в писательскую толпу. Расул тяжело, испытующе воззрился на меня.

Тревожное предчувствие шевельнулось в груди.

– Звезду Гэроя дадыте? – прорычал Расул, обернувшись ко мне, и схватил за пуговицу пиджака. Чуть не оторвал!

Не мог же я сказать ему, что до самого вылета нашей делегации вопрос о его награждении дискутировался: и молод ещё, дескать, и не настолько ещё знаменит в России, а Дагестан – лишь малая часть её. (“Совсем не так знаменит, как Емеля Буков в Молдавии”, – ехидно заметил я. Но – про себя.)

– Расул! Честно: не знаю. Буду звонить в Москву. Узнаю – обязательно скажу. – Я ведь и вправду не знал!

Поздним вечером того же дня в госрезиденции, где нас принимало казахстанское начальство, был очередной товарищеский “той”. Вино и кумыс лились рекой. Шум, гомон, невыносимо длинные тосты. Ко мне подошёл уже тяжело гружённый Гамзатов, снова взял меня за пуговицу пиджака и снова мрачно прохрипел: “Звезду Гэроя дадыте?” Ну что тут будешь делать? Промямлил в ответ, что вопрос решается, что я уверен... и т. д. Пошатываясь, кандидат в Герои отправился почивать.

Далёким эхом отозвалось в моей душе михалковское: “Трудовичком” не отделаётесь!” И ещё вспомнилась чеховская “Литературная табель о рангах”, где высшие “чины” тайного и действительного статского советников были присвоены только Льву Толстому, Ивану Гончарову и Михаилу Салтыкову-

Щедрину. (Значит, только они достойны “Андрея Первозванного” или “За заслуги перед Отечеством” I степени.) Даже великие А. Н. Островский и Н. С. Лесков “не дослужились” выше просто статского советника. Остальные современники молодого Чехова (Майков, Гаршин, Г. Успенский, Короленко, Апухтин и др.) расположились на нижних ступенях табели о рангах. Диву даюсь снайперской точности эстетических оценок вчерашнего Антоши Чехонте! Правда, тогда же он пронизательно заметил в одном из своих писем: “В литературе маленькие чины так же необходимы, как и в армии”. Плох тот солдат, что не мечтает стать генералом...

Ранним утром 7 ноября я совершал свою традиционную утреннюю пробежку. Руководящий казахский сад был наполнен прохладой и тонкими ароматами, плывущими с величественных вершин Алатау. “До чего же хорошо кругом!” – пела моя открытая миру душа. И вдруг, на волне этой ликующей радости, осенила меня дерзкая, шальная мысль: а не разыграть ли мне озабоченного кавказца? То-то ошалееет вечно иронизирующий Расул, а я тут же рассмеюсь, обниму его и радостно возоплю: “Ага, попался?! А теперь шутки в сторону! От всей души, дорогой, поздравляю тебя...”

Да, утром я уже всё знал. Ближе к ночи в мой номер постучался Юрник и пропылтел с порога: “Ну, Геннадий, благодари за вырубку. Дали ему Героя. Заморочил нас совсем. Ты уж прости за вчерашнее”.

Я бодро взлетел на третий этаж гостиницы, повернул налево. И тут из своего двухкомнатного “люкса” вырубил навстречу мне Расул, ещё не ведающий о свалившейся на него удаче. Он был тяжёл с похмелья, орлиный нос, кажется, ещё более заострился, веки, как у Вия, отяжелели.

– Доброе утро, Расул Гамзатович! – весело пропел я. Вместо ответа поэт взял меня за грудки (пуговиц-то спорткостюме не бывает) и снова, как и вчера, грозно спросил:

– Звезду дадите? – и прожёл меня испытующим взглядом до самых печёнок.

– Ой, Расул Гамзатович, я ведь и шёл к Вам, чтобы сообщить радостную новость: за большие заслуги в развитии советской литературы вы награждены высокой государственной наградой – орденом Трудового Красного Знамени! – И засмеялся. А Расул вдруг посинел, глаза угасли, ноги подкосились...

Что же ты наделал, кретин?! – пронеслось у меня в голове. Не дай Бог, если...

Но крепкий горец выдержал удар. Глубоко вздохнув, он опёрся рукой о стенку и жалобно, почти шёпотом, спросил:

– Ты шутышь, Геннадий, да?

Ну, тут уж я начал разливать соловьём, восхваляя его и приписывая себе (с перепугу) частичку заслуг в благополучном исходе наградной эпопеи. Расул порозовел и пожал мне руку. Слегка снисходительно.

Придя в номер, я долго не мог успокоиться. Чуть не доигрался, фокусник. А если бы инфаркт?! А если бы начальство узнало? К счастью, в который раз всё обошлось. Однако до самой последней встречи с ним (уже в “Нашем современнике”, в конце прошлого века) я не переставал подозревать, что Расул помнит. Только ни он, ни я никогда не заикались о происшедшем почти тридцать лет тому назад. Зачем ворошить былое?

Знаки отличия, престиж, статус... Орден выше рангом – восторг, ниже – тайная или явная обида. Буря страстей человеческих! “Иконостас” на груди писателя читался тогда как ответ на вопросы деловой анкеты об уровне отношения к нему власти и – кстати, иногда весьма точно – о степени его таланта. И даже – об уровне материального благополучия. Ведь ордена и особенно Госпремии означали повышенные тиражи и гонорары, а известность и популярность – частоту изданий и переизданий.

Вспоминаются случаи, и смешные, и драматические, когда напрасные ожидания грядущей славы и привилегий делали иных писателей завистливыми, злыми, вечно всем недовольными мизантропами, заражёнными неизлечимым комплексом “непонятости”, “недооценённости” их таланта. Сколько перспективных имён погасло, не успев вспыхнуть, именно по этой причине! Плоха, опасна “звёздная болезнь” у спортсменов, артистов, едва достигших первых громких успехов. Для писателей, как мне кажется, она опасна вдвойне.

Уместным будет привести здесь ещё два житейских примера. Один – “сверху”, связанный с писателем, уже достигшим “степеней известных” (и даже геройского звания). Другой – “снизу”, на самой начальной стадии занятий литературой.

... Шёл последний съезд советских писателей. Отзвучали пылкие, эмоциональные – и скучные, сухие, как прошлогоднее сено, делегатские речи. Как говорится, всё путём. В огромном зале Большого Кремлёвского дворца (ныне полностью реконструированного по чертежам архитектора Тона) была оставлена партийная группа съезда. Предстояло обсудить и утвердить для голосования состав кандидатов в руководящие органы Союза писателей СССР. Скрипучий голос заведомо культуры ЦК озвучил заранее согласованные списки. Несколько дружных взмахов правых рук коммунистов – и объявили перерыв на время подготовки бюллетеней.

Целая толпа членов президиума съезда вывалила в просторную комнату отдыха – перекурить, обменяться мнениями, новыми анекдотами. И вдруг громко, отчаянно прозвучал голос Анатолия Ананьева: “Чем я провинился перед партией?! Почему меня нет в списке секретарей? Разве так можно унижать писателя-фронтовика? Вы же меня в петлю толкаете – ничего другого не остаётся...”

Анатолий пошёл на Шауро “ромбом”, как танки в его романе. Василий Филимонович оторопел, глаза его завертелись по сторонам, отыскивая подчинённых. Мы подскочили. “Это какая-то техническая ошибка, – испуганно пробормотал ЮрНик Верченко. – Наверное, машинистки пропустили. Сейчас поправим!” И побежал в машбюро – разбираться. Ананьев, чмыхая носом и вытирая слёзы, уже успокаиваясь, ехидно пробормотал: “Узнаю тебя, Россия! В любом деле свой стрелочник найдётся!”

При чём тут Россия, мы так и не поняли. Может быть, и не машинистки были виноваты, а составители заветного списка? Поди узнай. Но публичная готовность к самоубийству как плата за секретарство – это, говоря на сленге XXI века, – круто!

Невольно вспомнился и другой “суицидный” случай, совсем иного рода, но психологически – весьма похожий. Это было в Союзе писателей России в океанном “шоковом” 1992 году. В мой кабинет уже вечером заглянул всегда улыбчивый, мягкий, безобидный, как кот Леопольд, Анатолий Алексин. Непривычно смутный, взъерошенный, какой-то... жалкий. “Толя, что с тобой? – обеспокоенно спросил я. – Чем могу помочь?”

– Не могу больше жить. Не хочу! – Он склонился мне на грудь и зарыдал. – Гена! Всё потеряло смысл. Народ ограблен, ему не до литературы. Кому теперь нужны наши писания? Нету, нету другого выхода – или пулю в лоб, или в петлю...

Я, как мог, стал утешать и успокаивать почти классика детской литературы, а голову сверлила одна назойливая мысль: “Ведь так вроде бы не бывает. Самоубийство не афишируют. О нём, как правило, узнают из предсмертных записок”.

...Через некоторое время стало известно, что орденноносец, кандидат в Герои и самоубийцы отчалил в Израиль. Причём основательно подготовившись. Там он опубликовал свой первый роман, еврейскую “Сагу о Певзнерах”. В общем, сомкнулся со своим народом, которому “до литературы”. А Россия, где он много лет секретарствовал в писательском Союзе, где был обласкан, олауреачен и многожды награждён, осталась в его биографии просто страной временного пребывания, заражённой до основания антисемитизмом...

Теперь – другой рассказ о муках статуса. Взгляд “снизу”.

Однажды вечером, часов уже в восемь, в мой директорский кабинет на Ярцевской (бывшая игровая комната детского сада) ворвался старший редактор “Современника” Костя Евграфов. Хороший парень, однако норму питания знал не всегда и потому был одним из кандидатов на “санацию” издательства от неумеренно пьющих. (Вспомнился анекдот советских времён о беседе Сталина с будущим министром угольной промышленности СССР.

– Говорят, вы много пьёте, товарищ Засядько, – сказал вождь, достал из шкафа бутылку водки и налил собеседнику полный стакан. – Бутерброд? – Не надо, – ответил кандидат в министры, махнул стакан и закурил “мануфакту-

рой”. Потом точно так же махнул второй стакан – и положил поверх его свою могучую лапу.

– А ещё один – слабó? – Сталин снова поднёс бутылку.

– Всё, товарищ Сталин. Засядько норму знает!

Тест был пройден, министерство обрело нового хозяина.)

Костя, мой вечерний визитёр, был вполне “в норме”, но очень возбуждён. Оказывается, только что его посетил дома какой-то начинающий поэт из Куйбышева. Странный, жалкий тип, до предела взвинченный, долго и путано говорил о своей любви к поэзии, о готовности любой ценой прорваться в члены Союза писателей. Распили бутылку. Костя всячески успокаивал парня. “Сторожем работает в речном пароходстве. Откуда деньги? Видимо, недоедал, экономил – и вот, смотрите!”

Евграфов выложил на мой стол узелок – кое-как завязанный крестиком большой носовой платок – и раскрыл его. В глазах моих покраснело от “тридцаток” с изображением Ленина.

– Что это? – оторопел я. – Взятка?

– Именно, – подтвердил Костя. – Как раз на “Запорожец” хватит. А то и на “Жигулёнка”...

Оказывается, Костин нежданный гость получил “наводку” именно на него – от кого, почему – узнать не удалось.

– Михалыч! Может... того? Свидетелей нет, разделим пополам – и сеанс окончен! – Костя глянул мне в глаза и тут же продолжил:

– Чур, чур меня от соблазна дьявольского! Лучше составим протокол и сдадим в милицию!

Так и поступили. Вытребовал я из дому главбуха (долго ворчала; время-то позднее); написали объяснительную; по телефону вызвали милиционера. Тот начертал расписку и убыл на свою службу. Чем дело закончилось – не знаю. Фамилию сторожа, возмечтавшего купить звание писателя и соответствующие “корочки”, я не запомнил.

Странному поведению неведомого поэта есть объяснение. Вполне в духе времени. Вступить в СП СССР тогда можно было, только предъявив приёмной комиссии Союза уже изданный сборник стихов. В крайнем случае – подборки в центральных журналах или газетах. Но это было уже событие, возвещавшее о явлении нового таланта. Гость Константина Евграфова пошёл ва-банк. Вот как хотелось ему стать писателем. И неважно, что первая книжечка, изданная уголовным способом, даже не окупилась бы своим гонораром тот самый “красный узелок”. Такой вот “ноблесс оближ”...

Завершая сей клочковатый мемуар из советских времён, начатый напористым возгласом Сергея Михалкова, хочу обратить внимание читателя на опубликованные несколько лет тому назад “Рабочие тетради” Твардовского. Все печальные события, связанные с его уходом из “Нового мира”, происходили в начале 70-х, когда я работал в отделе культуры ЦК. В день 60-летия великого поэта, 26 июня 1970 года, должен был состояться торжественный юбилейный вечер. Но – где он состоится? Для Александра Трифоновича и всех новомировцев это был вопрос престижа, своего рода лакмусовая бумажка, выявляющая отношение власти к строптивому либеральствующему главному редактору. “Если Центральный Дом литераторов, – записывал Твардовский в “Тетрадах”, – то спасибо в шапку, а если Зал Чайковского, в котором Тихонов, Сурков, Исаковский подряд были причислены к лику – другое дело”. Не правда ли, как от этого веет злобой дня? Но пусть и злоба (= обида), однако всего лишь дня. А годы, десятилетия, потом века утверждают свою, уже незыблемую “табель о рангах”, где Твардовскому – бесспорное первенство и перед Тихоновым и даже перед Исаковским. Не говоря уж о Суркове.

И последнее – о злобе дня. Именно из-за неё (а ещё из-за твердокаменности марксиста Сулова) АТ не получил всеми ожидаемого звания Героя. А он так надеялся... Характерна запись в “Тетрадах”: “Если Звезда... О, тогда совсем другое дело! Звезда – не просто вид на жительство для меня одного. Если Звезда – то не всё ещё прахом после “Нового мира”...”

Предлагаю сравнить благородное, полное достоинства ожидание Твардовского – и громогласное метание автора трёх гимнов по цеховским кабинетам. Почувствуйте разницу.

Пожалуй, самое сильное внутреннее впечатление органического “бессребренничества”, безусловной победы духа над мирскими соблазнами оставил в моей душе прозаик Дмитрий Михайлович Балашов.

Таилась в нём, невысоком мужичонке (“аршин с шапкой”) какая-то несокрушимая духовная сила. Васильковые, горящие неистовым аввакумовым светом глаза; высокий сократов лоб. Хромовые сапоги, ярко-красная атласная рубаха, подпоясанная кушаком с кистями, — истинно русский тип, то ли ямщик, то ли прасол из XIX века. Он, казалось, весь был там, в давнем русском прошлом, чьи тайны он постигал не просто как историк, но прежде всего как художник-реставратор, смывающий слой за слоем грязь и паутину времён с изначальных образов осмысляемой исторической эпохи. “Государи московские”, цикл его романов о становлении и стоянии на земле Святой Руси — воистину “томов премногих тяжелей” и ничуть не уступает по своей художественной убедительности творениям классиков литературно-исторического жанра.

Меня судьба свела с ним сперва заочно. Году в 1973-м, насколько помнится, попросился ко мне на приём Николай Павлович Воронов, автор нашуемвшей в те годы “Юности в Железнодорожке”. Голос взволнованный. Разговор, конечно же, не телефонный! Я заказал пропуск, и вскоре он уже сидел против меня и сбивчиво рассказывал драматическую историю балашовского преступления.

— Дима мужичок вроде и неприметный, но крепкий, сбитый — ого-го! Зарубил бы он мерзавца насмерть, да, к счастью, голова у того оказалась прочная, как медный котёл. Топор-то лишь скользнул по коже, кровищу пустил. Слава Богу, без убийства обошлось...

Николай Павлович, запыхавшись, примолк, а в моей голове стремительно промчались “кадры”, словно живые, только что рассказанной мне печальной истории. Старой, как мир. И вечно обновляющейся, как сам мир. У Балашова жена — красавица; и положил на неё глаз какой-то охламон, недавно отбывший лагерные сроки. Прилипчивый, наглый, похотливый. Стычка с ним была неизбежна.

В общем, милиция, протокол, СИЗО... Покушение на убийство в состоянии аффекта — дело ясное, что дело уголовное, и срок полагается. Спасать писателя надо!

Не задумываясь о последствиях, я тут же набрал номер телефона секретаря Карельского обкома КПСС. Тот был уже в курсе происшедшего в деревне, где жил Балашов, и всячески сочувствовал писателю. “Телефонное право”, применяемое и тогда, и ныне, в случае с Балашовым сработало позитивно — ему припаяли три года условно. Замечу, кстати, что условное наказание в те годы было отнюдь не популярно; а к жуликам, рецидивистам и расхитителям оно вообще практически не применялось.

...Альберт Беляев, зав. сектором, где я работал, отчитал меня “за самовольство”. Почему, дескать, без ведома начальства? Да и вообще — Карелия не входит в круг твоего кураторства. И т. п. Дело привычное, как говорил беловский Иван Африканович...

Познакомились мы с Дмитрием Михайловичем через много лет, когда СССР уже шёл ко дну, — в проклятом 91-м. Я работал уже в Союзе писателей России, и Балашов зашёл ко мне вместе с Вороновым. Сверкнул необыкновенными своими “васильковыми” и молча, с чувством пожал мне руку. Потом были встречи в “Нашем современнике”, когда мы готовили к публикации его записки о путешествии на знаменитом паруснике “Товарищ” вокруг Европы.

Он был бескомпромиссен во всём. Страшные, жестокие издержки первых лет строительства социализма вызывали у него гнев и возмущение. Никакие призывы к “объективности”, исторической оправданности раскулачивания не находили у него отклика. Но звересты преступлений и несправедливостей, которые нагромодила на нашей земле чужестранная “демократия”, вообще приводили его в ступление. Разрывалась невыносимой болью русская душа...

И погиб “Аввакум XX века” трагически. Его зарубил топором собственный сын, избалованный раздолбай, продавшийся золотому тельцу. Отец отказал ему в деньгах на гульбу и баловство — и был безжалостно убит... Жуткая история, достойная пера самого Шекспира. Да только где его ныне взять?

Ни больших орденов, ни высоких званий, ни полновесных премий Д. М. Балашов не получил. Да это, по всему, никак его не огорчало. Главным для него

было служение своему народу в той области, где Бог дал ему талант – в литературе. Это тот случай, когда лозунг обитателей башен из слоновой кости – “искусство для искусства” – обретает истинный, изначально не замкнутый социальный смысл.

Между прочим, безразличие (и даже презрение) к общепризнанным и престижным знакам, символам известности было характерной чертой другого талантливой прозаика – Владимира Богомолова. Совсем другой, нежели Балашов, психологический тип! В сравнении с ним Дмитрий Михайлович был просто активный общественник. Автор любимого миллионами читателей (и я в их числе) романа “В августе сорок четвёртого...” было подчеркнута нелюбим, не общителен. В Союзе писателей не состоял. Ни на каких публичных мероприятиях не появлялся – или, как говорится в анекдоте, “не был, не участвовал, не принимал”. Я видел его один-единственный раз в кабинете Куняева, когда Стас энергично уговаривал Володю принести нам новый роман, который, по слухам, носил рабочее название “Жизнь моя, иль ты приснилась мне?...”

– Да не готов он ещё, работы – тьма, – говорил Богомолов глуховатым, невыразительным голосом. – Но даю тебе слово офицера: поставлю точку – и принесу вам.

И он слово сдержал. Уже после его смерти вдова, приведшая в некоторый порядок незавершенные рукописи, принесла их именно в “Наш современник”. “Есенинское” название романа сохранилось. Воображаю, какую бурю вызвала бы эта вещь в сообществе литкритиков, и не только. Применённая изящно снова, как и в “Моменте истины”, манера “дополнения” художественного текста документами военной эпохи (то ли подлинными, то ли мастерски переработанными), действительно, многократно усиливает ощущение истинности, “всамделишности” происходившего с героями романа в последние дни, когда добивали нацизм в Германии и азиатский милитаризм в Японии. Богомолов, как и Астафьев, бесстрашно заглядывал в неприглядное, жуткое нутро войны, но не утонул в нём, как Виктор в последнем своём романе.

... В писательской среде его называли “белой вороной” – кто с пренебрежением, кто с тайной завистью. Аскет, мизантроп, чудак... И всё-таки жизнь, своеобычная, аскетическая, исполненная страсти, не зря приснилась ему!

Не хотелось бы, чтобы у читателя этих воспоминательных записок сложилось мнение, будто автор вообще, в принципе против любых знаков отличия по степени таланта, трудолюбия, нравственных достоинств, по силе воздействия того или иного произведения литературы на массового читателя. Как говорится, упаси Боже от уравниловки в такой благородной и возвышенной сфере, как художественное творчество. Просто – во всём должна быть мера. В нашем случае – нравственная, исключающая крайности политиканства – и нарциссизма, безудержной (порой даже болезненной) эгоистической переоценки собственных способностей, отмеренных судьбой.

Сознательно ушёл я от более подробного разговора о стимулах материальных, о “монетизации” писательских талантов, о других статусных перипетиях, полных и драматизма, и юмора как в советские, так и в “демократические” времена. Намекну только, навскидку, о таких явлениях, как “секретарская литература”, социальный заказ, литературные “моды”, политическая конъюнктура, обилие всяческих премий и т. д. и т. п. Время, конечно, всё расставляет по своим местам – оно безжалостно и неподкупно. “Кому бесславье, а кому бессмертие...” Сколько ни лей помоев на Шолохова – он был и навсегда останется Шолоховым. Сколько ни вешай орденов на Гранина – вплоть до “Андрея Первозванного” – он был и останется автором одного приличного романа “Иду на грозу”. Романа вполне соцреалистического.

И ещё, самое последнее. Сей очерк нравов начат был упреждающим возгласом С. В. Михалкова. Что-то подсказало мне, что в заключение вполне уместно будет поведать тем, кто не знает, старый советский анекдот о Леониде Ильиче Брежневе. Анекдот вполне добродушный, но со смыслом.

... Колонный зал Дома Союзов, ноябрь 1982 года. Ночь. Константин Устинович последним покидает пост у гроба покойного генсека. Гаснет свет. Занавешенные чёрным зеркала становятся ещё чернее. Вдруг Черненко резко остановился, как вкопанный. Молнией метнулась в голове мысль: все ли звёзды на груди друга? Четыре – или три? Неужели... спёрли? И тут в гробо-

вой тишине зала послышался тихий, шелестящий голос: – Костя... Костя...
Поди сюда!

Черненко приблизился ко гробу вплотную. Ощупал грудь друга. Раз, два, три, четыре. Слава Богу, все золотые медали на месте! И тут покойник отверз уста и спросил:

– А пятую Звезду дадите?

К. У. ошарашенно пролепетал:

– Леонид Ильич! Но... как же?! И за что?!

– А посмертно! – произнёс звездолубец, рассмеялся – и снова умолк.
Навеки.

Человечество, смеясь, расстаётся со своим прошлым. Но не все грехи человеческие уходят в прошлое навсегда. Тщеславие, по-моему, бессмертно. Может быть, и слава Богу?